

Самый короткий день

Дед ушёл на рынок, дед вернулся, ходил целый день. Самый короткий в году, день рожденья, оторвался. Бабка отпустила его купить себе подарок, а меня нет. Не пустила. Сказала сидеть дома, как пёс на цепи. Я ненавижу, когда она говорит так. Как пёс на цепи. Ерукунда какая-то, говорю я бабке, а она ругается. Талдычит, что я коверкаю русский язык. А то, что мамка говорит звонит, так это ничего, да? Бабка с ней совсем не говорит, совсем её не слушает. Просто терпит. И мамка продолжает коверкать, и ничего ей нет за это. И ещё заявляется по ночам, и нормас. Запомним это. А я коверкаю и сижу дома, как пёс на цепи. У деда день рожденья, почему я не могу с ним отпраздновать? Он там купил бы себе хот-дог, и мне бы купил тоже. Всё же день рожденья, надо кого-то угощать, а тут как раз я. И он так хотел попробовать. Вот она чего и добилась, что дед не меня угощал. И не хот-догом. И джинсы себе не купил, всё проел да пропил, прогулял. Оторвался. Так и будет ходить в старых, а их сколько замачивай или нет, всё равно. Всё равно не отстираются, вот такая ерукунда. Ерукунад. Как бы ещё это слово поковеркать? Деду со мной даже лучше ходить, я не как бабка, я не грызу ему загривок. Дед так говорит. Я с ним не боюсь ходить, бабка боится, он такой. Мимо не пройдёт, куда-нибудь влезет. Я с ним даже в машине ездил, и ничего. Маленько ссыкотно, едет быстро. Резко тормозит. Бабка лезет из окна, когда едет с ним на четвёрке. Вот и штрафы. А я закрываю глаза и молюсь. Божечка, божечка, сделай так, чтобы мы не разбились. Это действует. Детская молитва самая сильная, и ещё материнская. Сильней детской и материнской ничего нет. Если я замолюсь, смогу превратить апельсин в виноград, а виноград - в кисть с мандаринами. Синего цвета. И виноград - рыжего. Только надо молиться. Очень просто. Мамку я спрашивала, молится ли она за меня. А она улыбнулась, а сил разговаривать нету. Нету так нету, хоть не исковеркает лишний раз. Она зато кивнула, значит, молится. Оки. Она врать не умеет, а молиться может. Я свидетель. Раз она упала с крыльца, а ей на работу устраиваться кондуктором в автобус. Она нормальная, только невезучая, а все подумали, пьющая. Мы ей на лицо холодную рыбу из морозилки, ещё бабка ругалась, что взяли. Мы рыбой её морозили, чтобы без синяка. Я говорю ей, мамка у тебя пожелтело. Мамка, у тебя засинело почти, засиневаает. И тут она замолилась. Материнская молитва сильная, синяк остановился синеть. Вот молитва, пожалуйста. Запомним это. Тётя Люся принесла тональный крем, замазали синяк, так пошла устраиваться. Но её всё равно не взяли, сказали, женщина, от вас пахнет. Ничего не пахнет. Я знаю, они синяк разглядели, подумали, что пьющая. Мамка пришла, говорит, что же, не больно-то и хотелось, в автобусах грабят и воруют, а знаешь, как? Я знала, у меня одноклассники рассказывали, и я видела как-то. Они вдвоём забегают на остановке Ледовый дворец, ржут над чем-то как будто, толкают друг друга. И один падает на кондуктора, обнимает зачем ещё и. Зачем, да чтобы ей в сумку залезть и денег достать. Зачем ещё? Мамка удивилась, что я всё знаю, ничего не поделаешь, если у меня такие одноклассники, а сама я так не пробовала. А бабка сказала ей, что надо уметь, чтобы не грабили, а мне тебя теперь до пенсии содержать, что ли? Мамка заревела как маленькая, кулаком утирается. Зря вот она. Лицо у неё, как говорится, одутловатое, а от слёз ещё вспухло. Никогда не надо реветь. Если бы ещё ограбили, то ничего. То прощается. А если нет, то нельзя никогда реветь. Мне дед говорил, а сам пришёл сегодня в слезах. В соплях ещё, говорит бабка, в слезах и соплях. Давайте, говорит он, молиться. Бабка чуть не выпала. Какое тебе молиться? Осёл. Где джинсы? А он говорит, погоди, погоди ты с джинсами. Я чудо, я чудо, я видел. Он что-то про чудо бормотал, а бабка его полотенцем хвостала. Она лупит и лупит, а он как заорёт, нет! Ты не должна! Больно! Ты не бей, я брат, брат! Она остановилась аж, вылупила глаза.

Какой брат ещё? Во Христе брат, он говорит. Во Христе все братья. А женщины сёстры. Это что-то новое, запомним это. Новая песня деда, получается, надо послушать. Он такое выдумывает, только держи голову свою, чтобы не кружилась. Так, говорит бабка, давай начинай. И дед начал. Он первым делом пошёл искать хот-дог. Везде данары, везде шаурма, а сосисок нет никаких в помине. Ему бы пойти за джинсами да наплюнуть на это. Но как, если у человека праздник. День рождения, самый короткий день. Он купил и выпил. Просто одну рюмку. И тут вдруг один дядька как заорёт на него, брат! Брат! Где ты был? Какой я тебе брат, дед сказал. Во Христе, какой же. И тут они стали есть и пить, но больше всего - разговаривать. Слушайте, говорил нам дед. Но бабка его снова залупила. Слушайте же! Он схватил бабку за руки, не вырваться. Хоть и пьяный. Это чудо, если верить, будет чудо. Я говорю, ещё надо молиться. Дед сказал, молись! Я сказала, я не могу при всех. И пошла из комнаты. А дед кричит, чтобы вернулась. Вернулась. Начинается. Всё время одно и то же. Теперь на неделю закеросинит. Теперь будет всё спрашивать, люблю ли его. Откуда я знаю? То люблю, то нет. Вот когда он такой, то нет. А ему надо, чтоб любила. Как любить двадцатого? Так полицейские зовут алкашей, я знаю такое. Шла и видела, они подошли к одному. Он в костюме, сидит на самокате. Самокат на земле, а он на нём. И они в рацию такие, у нас двадцатый, двадцатый, нам бы машину, пешком не дойдёт, говорю тебе, сильно двадцатый. Я это запомнила. Дед, конечно, пришёл порядком двадцатым. Двадцать вторым, как самый короткий день. Отпустил бабку, сидит и слёзы утирает. По-настоящему ревет. Говорит мне, у меня в куртке подарок, гостинец от Анатолия. Брата моего во Христе. Я пошла, залезла в карман, а там шарик из воздушного риса, белый, в крошках песка из кармана. Или чего там, в кармане у него. Я попробовала - сладко, но не очень. А хорошо очень. Совсем хорошо. Я сказала деду спасибо. И с днём рождения. Он сильнее заревел. Говорит опять: ты меня любишь? Мама, говорю, ну чего он? Мама рукой замахала, то на меня, то на деда. Потом говорит: дед, не приставай к ней. Ладно, сказал дед, ладно. А к кому? Спи, говорит ему бабка, спи давай. Ложись прямо так. Дед лёг в одежде. Потом сел на кровати, говорит: погоди. Он же чудо сделал. Сам при мне! Сейчас, я сейчас. Дед полез в сумку и тут бабка как закричит, а часы твои где? Где твои часы? Дед посмотрел на руку, там часов нет. Ремешок протёрся, где-то свалились, сказал он. Нет, бабка говорит, совсем нет, я на той неделе тебе покупала, помнишь? Ты менял его, ты менял! Вот твоё чудо! И снова его полотенцем хвощет. Анатолий! - кричит, брат твой во Христе! Анатолий! Но я же чудо, чудо! Мне жалко стало, что бабка его полотенцем, я сказала, дай покажет чудо. Он полез в сумку, достал апельсин, очень обычный, говорит, это земля, посмотрите. Апельсин, говорит бабка, простой апельсин. Это земля под снегом, сказал дед и отдал его мне, говорит, а теперь почисти. Терпеть не могу чистить апельсин, он плюётся. Ладно, почистила. Дай деду половину, сказала бабка, остальное ешь. Съедем, а завтра уже день длиннее станет. Вот тебе и чудо. Тут бабка как засмеётся. И мамка за ней. А мы с дедом едим апельсин, мне как-то обидно стало, то орут все, то смеются, а мне непонятно, и жаль, что с дедом на рынок не пустили. И деда жалко без часов. Без новых джинсов. Дед, говорю, день и так будет нарастать. Без апельсина. А ты без штанов теперь. Понимала бы, дед сказал и заревел снова, это чудо. Так и получается, мы ревом, они смеются. Пришла тётя Люся, покрутила пальцем у виска и ушла к себе в комнату. Дед устал реветь, лёг на кровать и заснул, бабка с него стащила ботинки, мамка укрыла одеялом. Мы все ушли на кухню пить чай. Я его пила маленько, еле-еле, потому что ревела, мамка даже испугалась, как я долго. А я просто вспомнила, как дед спрашивал, ты меня любишь, любишь? И продолжала реветь. Нет, дед, не спрашивай больше так.

Мария Ботева

mariboteva@yandex.ru